

ке» могут быть выделены доклады, построенные на анализе поэтических текстов, которые обычно элиминируются в традиционном историческом исследовании. В частности, М. Ю. Лаптева (Тобольский ГПИ) проанализировала комплекс лирических сочинений, представленный как стихами аристократической элиты (Феогнид, Алкей, Сапфо, Солон), так и стихами поэтов незнатного происхождения (Гиппонакт, Архилох), и на этой основе рассмотрела отношение к богатству в архаической Греции, подойдя к характеристике истоков полисной идеологии.

Ряд докладчиков проявили склонность к исследованию специальной латинско-греческой терминологии, в которой обозначались фундаментальные явления политической организации общества и социальной психологии. К примеру, В. В. Яковлев (ТюмГУ) проанализировал позднеантичные и раннесредневековые термины, обозначавшие знамения, и пришел к выводу, что термины «*hauguspicio*», «*omen*» подверглись интеллектуальному ostracismu в сочинениях раннесредневековых авторов, потому что были связаны с практикой жертвоприношений. Д. А. Гоголев (ТюмГУ) изучил ранневизантийскую урбанистическую терминологию. Согласно его наблюдениям, в текстах VI-IX в. сохра-

няются термины *polis*, *kastron*, однако приобретают иной правовой смысл.

Кроме этого, вызвали интерес сообщения по истории оружия, в одном случае японского (А. В. Мельников), в другом случае — скандинавского (А. Л. Скворцов), в которых авторами привлекаются данные археологии и эпической традиции, позволяющие уточнить спорные вопросы функционирования того или иного вида вооружения.

Одно из выступлений было посвящено вопросу об использовании символики на оружии в догеральдический и раннегеральдический периоды на германских материалах XII-XIII в. (Е. В. Степанов). По мнению автора, эмблематическая символика может быть условно разделена на «агрессивную», «защитную» и «синкретическую», что связано с сохранением магических и иных иррациональных представлений в «высокое средневековье».

Историки политики и международных отношений сконцентрировали свое внимание на различных аспектах модернизации в России, странах Восточной Европы, Азии и Африки. Наибольший интерес здесь вызвали доклады Т. Н. Гелы (Орловский ГУ), М. А. Грибкова (Ярославский ГУ), В. А. Кузьмина (УрГУ), Л. В. Шацких (ТюмГУ) и С. П. Цыганковой (ТюмГУ).

А. Г. Еманов

НЕМЕЦКО-РОССИЙСКИЙ СЕМИНАР «МИЛЛЕНИУМ В ПРОШЛОМ РАЗЛИЧНЫХ НАРОДОВ» (ТЮМЕНЬ, 11 АПРЕЛЯ 2001)

Millenium — латинское слово, обозначающее «тысяча». Вплоть до XI в. это число записывалось в Европе латинской буквой «М». Идея семинара принадлежала профессору Г. Хельгу (Аахенский университет), а реализация осуществлена силами кафедры истории древнего мира и средних веков Тюменского университета. Студенты подготовили и сделали доклады, как и положено на международных семинарах, на иностранных языках — немецком, французском, английском. Лучшие доклады были размещены в ИНТЕРНЕТ.

Особый интерес вызвало уже первое сообщение И. Колчиной о миллениуме в Италии, который отсчитывался от основания Рима и пришелся на 247 г. н. э. В этот год произошли сильнейшие природные, социальные и политические ка-

таклизмы, когда прежде могущественная империя распадалась, как библейский колосс на глиняных ногах. Здесь была затронута проблема «секулярных игр», установившихся со времен императора Августа под влиянием восточных культов умирающих и воскрешающих богов. Эти игры организовывались сначала раз в 100 лет, а затем — раз в 50 лет.

Запоминающимся и весьма содержательным оказалось сообщение Г. Ишимовой о миллениуме во Франции. Ею были приведены различные точки зрения современных историков, в частности, тех, которые считают позднейшим историографическим мифом образы «первого конца света», поскольку в разных частях Франции, не говоря о Европе, существовали различные системы летоисчисления, и конец первого тысячелетия приходил-

ся на разные даты. Однако этим суждениям противостоит мнение об эффекте «ментального заражения», когда страхи, вспыхнувшие в одной области, мгновенно распространялись повсеместно.

Оригинальным было сообщение М. Деминцева о миллениуме в Византии. В этой восточнохристианской стране практиковалось другое летоисчисление, не от Рождества Христова, как на Западе, в католическом мире, а от Сотворения мира, произошедшего за 5508 лет до рождения Христа. Анализ византийских хроник привел автора к убеждению, что на 992 г. от Р. Х., являвшийся 6500 г. от Сотворения, пришелся апогей страхов перед Светопреставлением. В это время хронисты фиксировали страшные бедствия, необычайные явления, восстания. И даже победы императора Василия, получившего прозвище Болгаробойцы, не вносили успокоения; несколько тысяч пленных болгар, которым император велел выколоть глаза и приставил одноглазых поводырей, воспринимались не знаком торжества византийского оружия, но знаком неотвратимого возмездия.

Благоприятное впечатление произвел своими аргументированными ответами и искусством вести полемику А. Иванов. Он затронул проблему зарождения ересей, которые с особой силой проявились в канун первого тысячелетия. Тогда появились неортодоксально мыслившие пророки, предсказывавшие конец мира. Была воспроизведена мысль некоторых ересиархов о вычислении миллениума не от рождения Христа, а от его смерти и последующего воскресения. В ходе дискуссии автор коснулся вопроса о «Втором пришествии», о котором говорилось в Апокалипсисе. Это «Второе пришествие», по его заключению, переносилось в отдаленное (для средних веков) будущее; в конце первого миллениума ожидалось «Первое пришествие», а «Второе пришествие» отодвигалось на далекий для того времени Второй миллениум — 2000 г. Однако эта идея была оспорена: в действительности «Первым пришествием» считалась земная миссия Иисуса в I в. н. э.

Славянский опыт переживания «Первого конца света», намеченный А. Емановым, давал повод для суждения о различной субъективно-психологической длительности лет; одни годы как бы сжимались, а другие годы, напротив, словно бы растягивались. И от этого конец тысячелетия мог приходиться не строго на

календраный 1000 год, а на несколько лет раньше, или на несколько лет позже. В частности, для Руси таким рубежевым годом стал 1037 г., год необыкновенно сильных страхов и ожидания конца света. Именно тогда в удивительно короткие сроки был воздвигнут храм Св. Софии в Киеве, призванный спасти христианский люд.

Конечно же, центральным стал доклад Г. Хельга о миллениуме в Германии. Прежде всего автор обратил внимание на то, что на рубеже тысячелетий в Европе появились арабские цифры, однако еще не был известен ноль. Герберт Ориньякский, известный астроном и математик, создатель первой счетной машины, предшественницы ЭВМ, тот самый, который стал римским папой Сильвестром II, благополучно провел западный христианский мир через конец 1000 г.; он ввел арабские цифры, но в своем трактате о счислениях — «Абака» — благополучно обходился без нуля. То есть цифра 1000 не могла еще существовать. Не имела значения и цифра 999, которую современные интеллектуалы истолковывают как перевернутое число Антихриста — 666, поскольку нумерология распространилась много позднее, вместе с Каббалой, в эпоху Возрождения, когда появилась мода на магию, астрологию и пр. Для Германии время измерялось жизнью правителей, и уход в иной мир императора и вхождение на престол нового то вселили надежды на лучшее будущее, то внушали страхи. Как финал вселенского масштаба воспринималась смерть императора Генриха II в 1024 г. Он не оставил наследников и возвестил своему исповеднику о возвращении наследства — Римской империи — своему небесному господину — Богу. Наряду с этими страхами, Хельг отметил встречную тенденцию — усиление рационализма. Западный христианский мир отличался от восточного открытостью, способностью к прогрессивному развитию. Разум сообщал освобождение от страхов и уверенность в лучшем будущем. Хельгом были приведены свидетельства хронистов рубежа тысячелетий, которые отмечали, что мир никогда еще не был столь блестящим, столь успешным, как в канун второго тысячелетия.

В дискуссии отмечалась архетипичность идеи конца времен и возвращения к первоначальному совершенному состоянию, и подобного рода идеи были свойственны для всех времен и народов. Вме-

сте с тем, подчеркивалось усиление значимости идеи конца света в христианскую эпоху, так как христианство сделало акцент на моральных основаниях этой идеи, введя понятия совести, греха, неизвестные языческой эпохе. Подчеркивалось и иное понимание «века», из десятка которых складывается миллениум; «век» составляли не 100 лет, а 33 года, то есть продолжительность жизни одного человека, определяемая возрастом Иисуса Христа. Отмечалось, что через каждые 33 года христианский мир переживал сильнейшие

катаклизмы, сопровождавшиеся экзальтацией страхов, пророчеств. 1000 год был отмечен глобальными природными катастрофами. Произошло сильнейшее землетрясение, которое испытали все народы, жившие по обе стороны Средиземного моря. В этот же год к христианству приобщились новые народы, христианской стала вся Скандинавия, христианами стали норманны и венгры; образовались новые христианские государства — Норвегия, Венгрия и некоторые другие.

А. Г. Еманов

НАУЧНЫЕ ЧТЕНИЯ ПАМЯТИ В. Ф. КУЗНЕЦОВА «ВОЙНА В СУДЬБЕ ЧЕЛОВЕКА И ЧЕЛОВЕЧЕСТВА» (ТЮМЕНЬ, 27 АПРЕЛЯ 2001)

27 апреля 2001 г. на факультете истории и политических наук прошли научные чтения памяти доцента Тюменского университета, историка-античника Владимира Федоровича Кузнецова. Тема войны была выбрана не случайно. Сам В. Ф. Кузнецов все свои научные труды посвятил военной проблематике. Представитель славной Воронежской научной школы, ученик крупного этрусколога А. И. Немировского, он изучал военную организацию и военное дело этрусков и римлян. Его кандидатская диссертация была посвящена римско-этрусским войнам VIII-V в. до н. э. Кроме этого, Владимир Федорович весьма живо интересовался историей войн других эпох и народов. Он весьма основательно знал историю Второй мировой войны, и специалисты по новейшей истории и отечественной истории XX в. признавали его приоритет в этой области. В оставленной университету библиотеке В. Ф. Кузнецова, наряду с антиковедческим фондом, значительное место занимает фонд литературы по истории Второй мировой войны. Здесь — мемуары военачальников и политических деятелей всех главных воюющих стран. Не мог не привлекать внимания к военной теме и год рождения В. Ф. Кузнецова — 1941 г. Он — ровесник Великой Отечественной. Его отец ушел на эту войну и не вернулся. Первые впечатления Владимира Федоровича — это впечатления о войне.

В чтениях приняли участие коллеги В. Ф. Кузнецова, его ученики. Во вступительном слове профессора В. А. Данилова, председателя чтений, прозвучали личные воспоминания о Владимире Федоровиче, о его первом появлении в

стенах Тюменского университета, редкой общительности и открытости.

Во вступительном слове было рассказано о жизненном пути В. Ф. Кузнецова. Он родился 28.04.1941 г. в селе Второе Шанино Воронежской области. Успешно окончил школу. В 1964-1967 гг. там же преподавал немецкий язык. Почти одновременно, в 1965-1969 гг., учился заочно в Воронежском университете. После окончания остался при кафедре истории древнего мира и средних веков. Работал лаборантом (1968-1970), ассистентом (1970-1972). Какое-то время преподавал в Куйбышевском университете (1972-1973), затем вновь — в Воронежском университете (1973-1975). Учился в аспирантуре у профессора Немировского (1975-1978), после окончания которой получил приглашение в Тюменский университет. Начал с должности ассистента. В 1980 защитил кандидатскую диссертацию в Тбилисском университете. Положительные отзывы на диссертацию дали заведующий кафедрой истории древнего мира МГУ В. И. Кузищин и профессор Ломоури. В 1980-1988 гг. работал старшим преподавателем кафедры всеобщей истории. Читал лекции по истории древнего мира, по истории славян. Самым плодотворным периодом стали 1988-1998 гг. Именно тогда В. Ф. Кузнецов приобрел широкую известность публичными лекциями по международному положению и религиоведению. Он был вдохновителем первых публичных диспутов между представителями светской и церковной образованности. Он был одним из деятельных организаторов мероприятий, связанных с 1000-летием Крещения Руси.